

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ПАЛАЧ ИЗ ГАЛИЦИИ

Александр
Тамоников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Палач из Галиции

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Тамоников А. А.

Палач из Галиции / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2017 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-699-96115-3

Только что закончилась Великая Отечественная война. Страшный враг разбит и повержен. Но его приспешники не спешат сложить оружие. На Западной Украине, в Галиции, лютует банда неуловимого Нестора Бабулы, бандеровца и палача. Ликвидировать отморозков под силу только всемогущему СМЕРШу. Капитан Алексей Кравец прибывает на место и сразу же берется за дело. Он выясняет, что «лесные братья» проникают в город через тайные подземные ходы и взять их можно только с помощью хитроумных засад. Но одному капитану, даже при поддержке местной милиции, здесь не справиться. И тогда в дело вступают бойцы его легендарной опергруппы...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96115-3

© Тамоников А. А., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников

Палач из Галиции

Все, изложенное в книге, является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

© Тамоников А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

Война закончилась. Наступил июль 1945 года.

Станция Тусковец была небольшой, но шумной. Пропускной способности едва хватало. Она обслуживала поезда, идущие через Львов в северо-западном направлении и обратно. Это были грузовые составы, идущие из Европы, воинские эшелоны, комбинированные поезда. Зачастую вагоны скапливались на подъездах к станции и часами стояли там. Разгрузки проходили нервно, в традиционной суете. Рычали, атакуя пакгаузы, полуторки и заморские «студебеккеры». Товарный состав с тремя пассажирскими вагонами продолжил движение в Западную Галицию с опозданием на час – нормальное явление.

– И чего вы тут скопились? – орал из ворот пакгауза взмыленный старшина с пивным животиком. – Давайте лучше я к вам в гости приду! Всех загрузим, не давитесь у ворот!

– А что, старшина, немцы прилетят, бомбить будут? – осведомился кто-то из грузчиков. – Не бойся, отлетались они.

Что верно, то верно. Немецкое присутствие в бывшем дистрикте Галиция закончилось год назад. Начиналась мирная жизнь. Но порядка не прибавилось. Водители штурмовали контору, ведающую распределением грузов, трясли накладными, путевыми листами.

– Вы что мне навалили? – спросил сержант в застиранном повседневном обмундировании. – По накладным – двадцать ящиков консервов. Где они?

– Сокращение кормовой базы, сержант! – крикнул ему водитель соседней машины. – Радуйся, что это дали! А ты в трибунал подай. Давно что-то здесь никого не расстреливали!

Станция охранялась военными Лепеньского и Жлотовского гарнизонов. Националистическое подполье иногда шалило, но крупных диверсий солдаты не допускали. Они проверяли прибывающие машины, обыскивали грузы, сверялись с накладными. Подозрительных личностей разворачивали или забирали в комендатуру для проверки. По перронам и запасным путям сновали патрули – красноармейцы и местные жители, поддерживающие новую власть, бойцы так называемых истребительных отрядов.

На автостанции, расположенной неподалеку, ругались люди. Сломался автобус, который должен был отправляться в Збровичский район. Единственный утренний рейс. Что теперь делать?

От пакгаузов на север пылил «ЗИС-5», громоздкий трехтонный грузовик с высокими бортами. В кабине сидели двое военных. На обочину вышел подтянутый капитан средних лет с погонами НКВД, махнул рукой. Водитель неохотно остановил машину.

Офицер подошел к кабине. Шофер в заломленной пилотке несколько минут выяснял с ним отношения, пытался возражать. Зевал молодой сержант, сидящий рядом. Все происходящее его не касалось.

Переговоры завершились в пользу офицера. Водитель раздраженно махнул рукой. Ладно. Это, конечно, нарушение инструкции, но надо помочь людям. Сержант лениво спрыгнул с подножки, пошел открывать задний борт.

Капитан НКВД обернулся к людям, толпившимся на остановке, и заявил:

– Товарищи, кому в Збровичи, садитесь. Автобуса до вечера не дождетесь.

К машине уже хромал, помахивая чемоданом, лысоватый мужчина. Устремилась через дорогу молодая женщина с трехлетним ребенком и тяжелой сумкой. Пожилые супруги поколебались и тоже двинулись на посадку. Муж волок в сетке огромную тыкву. Почесал затылок субъект со шрамом в залатанном пиджаке, глянул на автобус, вставший на долгий прикол в конце площади, и тоже отделился от остановки. Не подарок, ясное дело, сорок минут по колдобинам в кузове, но выбора-то нет. Светловолосый мужчина лет тридцати в легкой куртке, наброшенной поверх приличного, хотя и не нового костюма, тоже поколебался, посмотрел на

часы. Он подхватил продолговатый немецкий рюкзак из тех, что входили в снаряжение солдат горно-егерских подразделений, взвалил на плечо.

Лысый тип уже вскарабкался в кузов, принял хнычущего ребенка, помог забраться молодой женщине.

– Дядечка, да эта тыква тяжелее тебя, – пробурчал он, принимая сетку. – С ума сошел? Куда ты ее тащишь? Самый бессмысленный продукт!

Светловолосый мужчина помог взобраться пожилой женщине, забросил рюкзак, запрыгнул сам.

– Больше нет желающих? – К заднему борту снова подошел сержант с ППШ за плечом. – Груз не трогать, брезент не снимать! – Он строго посмотрел на пассажиров. – Всем сидеть вдоль бортов и не вставать. Сейчас немного потрясет. – Он подмигнул кудрявой женщине с пухлыми щечками, с лязгом зафиксировал борт.

Люди рассаживались на грязном полу, опасно косились на зачехленный груз.

– Доедем как-нибудь, – сказал мужик со шрамом и подмигнул разбойничьим глазом трехлетнему пацаненку.

Тот жался к мамке, отворачивался.

В присутствии капитана НКВД пассажиры вели себя сдержанно, языками не болтали. Водитель резко тронул с места. Кузов заходил ходуном. Лысоватый тип ругнулся, перехватил осуждающий взгляд офицера и прикусил язык. Молодая женщина украдкой поглядывала на осанистого блондина, пару раз вздохнула. Видимо, она в одиночку воспитывала ребенка.

«ЗИС» выехал за пределы станции. Водитель размашисто вертел баранку, объезжал колдобины и воронки от снарядов, заросшие сорняками. Компактный поселок Тусковец остался в стороне. По обочинам тянулись поля, светлые березняки. Грунтовая дорога петляла по равнине. Луга пестрели цветами, в высоком небе наперегонки носились стрижи. На востоке простирались волнистые зеленые холмы. Природа в этой части Галиции радовала глаз. Впрочем, пыль, запах сгоревшего топлива не позволяли людям насладиться живописными пейзажами. Приближался смешанный лес, дорога втягивалась в чашу, пропадала за деревьями.

Навстречу прогремел самосвал, обдал смрадом. Тащилась подвода. Возница в картузе лениво шелкал плетью, что-то покрикивал.

Заснул ребенок на руках у матери. Зевали пенсионеры. Монотонная тряска убаюкивала всех.

Светловолосый мужчина поменял позу – затекла нога – извлек из куртки пачку «Беломора», красивую трофейную зажигалку, закурил. На него косо глянул сосед, мужик со шрамом. Курильщик оказался понятливым, протянул пачку, из которой мгновенно убыла папироска.

Капитан, привалившийся к ящикам, достал пачку «Севера» и тоже задымил. Ему было лет под сорок, ладно сбитый, ростом природа не обидела, заношенная форма сидела на нем как влитая. Две залысины на лбу его не портили, скорее придавали солидность, а вкупе с погонами и убедительность. Он пристально разглядывал пассажиров, особенно мужчин.

Приближался протяженный зеленый массив между станцией Тусковец и райцентром Збровичи. В низине на востоке прятались несколько хат с четырехскатными соломенными крышами. За околлицей паслись худые коровы. Тощий пастух на древней кляче провожал глазами пылящую трехтонку. На опушке раскинулось кладбище. Под холмиком возвышалась острроверхая каплица, что-то вроде божницы или часовни.

Вдоль обочин потянулись деревья. Хвойный лес перемежался лиственным. Водитель прибавил скорость. Пассажиры высовывались из кузова, вертели головами. Курильщики жадно дымили. Пожилой мужчина обнял свою тыкву так, словно на нее кто-то покушался. Открыла глаза его супруга, мазнула недобрым взглядом капитана НКВД.

– Скоро приедем, – пробормотал лысоватый тип, пристраивая локоть на чемодан. – За лесом речушка Водяга, а там за полем и Збровичи. Тридцать три километра от станции до южной околицы.

– Водяга? – повторил чудное слово светловолосый мужчина. – Хорошее название.

Пассажиры говорили по-украински, он их понимал, хотя сам предпочитал великий и могучий.

– Там вода едва течет, – сказал человек со шрамом, сидящий у заднего борта. – А в Збровичах и вовсе другая речушка – Излучь называется. Вертлявая штука такая.

– Впервые в этих краях? – спросил капитан, пристально созерцая блондинистого незнакомца.

– Впервые, – подтвердил тот. – В других районах приходилось бывать, а в этом еще нет. В командировку еду.

– Вы прибыли по распределению, по комсомольской путевке, на добровольной основе?

– Поздновато мне по комсомольской путевке. По велению души и организованному набору. В данный момент следую из города Львова.

– Имею еще парочку вопросов. Не возражаете? – настаивал капитан. – Вы из какой области? По инженерной линии, строительству или имеете отношение к агрономии? – Он настойчиво разглядывал незнакомца.

Его профессиональные навыки работали на автоматизме. Капитана так и подмывало проверить документы у подозрительного типа, имеющего привычку не прятать насмешливые глаза. Ладно, не сейчас, позднее, когда прекратится эта жуткая болтанка.

Блондин не успел ответить.

Привстал, держась за борт, мужчина со шрамом. Водитель сбавил скорость. Заволновались остальные, вытянули шеи. Проснулся и захныкал ребенок.

Лес еще не кончился. На обочине стояли трое мужчин в красноармейской форме. По виду патруль. В них не было ничего угрожающего – расслабленные позы, автоматы за плечами. Плечистый старший сержант в фуражке вышел на дорогу и поднял руку. Солдаты равнодушно смотрели, как неповоротливая машина замедляет ход, прижимается к обочине.

– Вот какого хрена? – проворчал мужик со шрамом, облизывая губы. – Чего им нейметя? – Он быстро глянул на капитана и смутился.

– Тут часто такое, – пробормотал лысоватый дядька. – Проверка за проверкой, время беспокойное.

– Всем сидеть, – проворчал капитан.

Он встал, как бы невзначай подтянул кобуру ближе к животу, пальцы нервно постукивали по застежке. Вроде все в порядке, обычная проверка.

Мордатый старший сержант с надутым лицом обошел капот и буркнул водителю:

– Здравия желаю. Проверка. Документы на груз, солдатские книжки. Кто разрешил пассажиров перевозить?

Водитель что-то бормотал, оправдывался, шуршал бумагами. Старший сержант изучал документы. Сопровождающий в кабине помалкивал. Остальные патрульные мялись на обочине. Новенькая форма, суконные бриджи с пышными галифе. На сапоги налипла грязь, листва. Один боец закурил, второй поправил автомат, висящий на плече, вскарабкался по колесу на борт, осмотрел пассажиров.

– Из какой части, боец? – спросил капитан.

Патрульный отделался молчанием, только кивнул на своего сержанта. У него, дескать, спрашивай.

– Все нормально. – Старший сержант отдал водителю бумаги, поглядел вверх. – Груз, пожалуйста, к осмотру. Это вы везете, товарищ капитан?

– Нет. Предъявите ваши документы, товарищ старший сержант. – Рука капитана НКВД снова поглаживала застёжку кобуры.

Начальник патруля бросил быстрый взгляд через капот на долговязого жердя с рыжиной в сальных волосах. От внимания капитана не укрылось, что большой палец правой руки этого типа скользнул с антабки по ремню автомата. Третий патрульный спрыгнул с колеса, засадил занозу в палец и ругнулся.

Все трое вздрогнули, когда раздался резкий автомобильный сигнал. По встречной полосе шла старенькая полуторка – «ГАЗ-АА». Водитель давил на клаксон. Старший сержант прижался к кабине. Полуторка промчалась мимо, едва не зацепив его. Несколько секунд внимание патрульных было отвлечено.

Капитан, стоящий в кузове, вдруг услышал какую-то возню за спиной. Он резко обернулся и распахнул глаза. Молодая женщина взвизгнула и прижала к себе ребенка.

Лысоватый тип, сидящий напротив офицера, закатывал глаза, судорожно сглатывал. Из его рта вытекала струйка крови. «Вальтер», который он извлек из внутреннего кармана, так и не выполнил свое назначение, выпал из руки, застрял между ног.

Блондин, который находился справа от этого типа, сориентировался ой как вовремя. Он всадил нож в бок лысоватого дядьки. Обладатель «Вальтера» агонизировал, его голова завалилась набок. Блондин выдернул нож с неприметной рукояткой и выкидным лезвием.

Капитан оторопел. Что происходит, кто есть кто?! Его пальцы судорожно драли застёжку кобуры.

– Капитан, ложись! – прошипел блондин. – Он с ними, это одна банда. Не спи! Я свой. Он в спину тебе хотел выстрелить.

Безнадежным лаптем капитан НКВД не был. Он повалился на колени, когда патрульный под кузовом вскидывал автомат. Грохнула очередь, пули просвистели над головами пассажиров. Воцарился гвалт, орали люди, хлопали беспорядочные выстрелы. Хрипел, катался по полу человек со шрамом. Он высунулся из кузова в не самый подходящий момент. Прогремела очередь из кабины. Очнулся военный, сопровождающий груз.

Капитан пинком отбросил пенсионера с его тыквой, прижался к борту, скрючился в три погибели, выставил руку за борт и долбил из ТТ, не видя цели. Но пули нашли свою жертву. Истошный визг перекрыл пальбу. Капитан выбил из рукоятки пистолета пустую обойму, загнал туда новую, оттянул затвор и вскочил. Снова загремели выстрелы.

В руке блондина как-то сам собой образовался наган. Он распластался на ящиках, затянутых брезентом.

Фальшивый старший сержант пятился от кабины, покрылся смертельной бледностью, рвал заклинивший затвор. Он вскинул голову, увидел дырочку ствола и заорал дурной выпью. Пуля пробила его лоб, швырнула на землю. На обочине валялось тело патрульного с разбросанными руками.

– Суки, в наших переоделись! Получайте, падлы! – прохрипел капитан.

Третий бандит бросился в кювет, матерно ругаясь. Он возник на мгновение, выставил автомат, выплюнул несколько пуль. Кончились патроны! Негодяй бросил оружие и побежал, сгибаясь вопросительным знаком. Блондин и капитан палили в два ствола. Мерзавец не добежал до леса. Было видно, как пули рвали гимнастерку на его спине. Он повалился ничком, подбросил ноги, подмял собой колючий терновый куст, усыпанный темно-синими ягодами.

– Капитан, к машине! – бросил светловолосый мужик. – Да осторожнее, в лесу могли остаться их люди.

Его догадка подтвердилась. Они перелетали через борт, когда на опушке за кустарником что-то мелькнуло, затряслись ветки. Простучала короткая очередь.

Капитан свалился под откос, вставил последнюю обойму, снова начал палить. Блондин схватил автомат мертвеца, перекатился в высокой траве, стегнул по опушке. В лесу трещали сучья, кто-то убежал.

Блондин бросил взгляд на кабину. Сержант, сопровождающий груз, весь какой-то синий, сползал с подножки, зажимая простреленное плечо. Шофер шевелился на своем сиденье. Его тоже миновала смертная чаша.

– Пошли, капитан. Пригнись!..

Они бросились к лесу, стреляя на ходу, но там уже никого не было. Сообщник бандитов был один, предпочел не геройствовать. Но они стреляли, отгоняли нечисть подальше. Потом перевели дыхание, утерли пот и очумело уставились друг на друга.

Рядом тело в красноармейской форме подмяло терновый куст. Капитан подошел к нему, ногой перевернул, убедился, что сюрпризов не будет, нагнулся, поднял автомат.

– Часто у вас такое? – спросил блондин.

– Да постоянно. – Капитан поморщился, потер отбитые ребра и сунул пистолет в кобуру. – Ты кто такой? – Он уставился тяжелым взглядом на своего спасителя. – Документы покажи.

– Все правильно, капитан. – Блондин усмехнулся. – Воюем вместе, но без бумажки никак. Ладно, я все понимаю. – Он извлек из внутреннего кармана потертую красную книжицу с выцветшей золоченой звездой, развернул, сунул под нос капитану. – Капитан Кравец Алексей Викторович, контрразведка СМЕРШ наркомата обороны. Направлен в Збровичский район для выполнения задания. Все в порядке? Или дальше будешь подозревать?

– Но ты... вы не в форме. – Офицер смутился.

– Это запрещено законом? – осведомился Кравец. – Пораскинь мозгами, подумай, почему я в штатском. Заодно представь, что с нами сейчас было бы, окажись я в форме. Ладно, капитан, не смущайся, все хорошо, что хорошо кончается. Давай уж и дальше на «ты», договорились?

– Хорошо. – Капитан сглотнул.

Он говорил с представителем самой эффективной спецслужбы только что отгремевшей Отечественной войны. Упоминание о ней заставляло трепетать всех, включая сотрудников НКВД.

– Сам-то из каких будешь? – спросил Алексей.

– Капитан Ткачук Климент Павлович. Начальник Збровичского районного отдела НКВД. Милицией заведую. – По лицу капитана скользнула тень досады – его явно не устраивала нынешняя должность. – Сам из Куйбышева, застрял на Украине, не могу пока домой вернуться. И не война, и не мирная жизнь, а хрень какая-то. В Тусковец по служебным делам ездил.

– Милицией, говоришь, заведуешь. – Кравец улыбнулся. – Замечательно, вот ты-то мне и нужен. Странно нас судьба свела. Вижу, что ты воевал, Клим.

– Конечно, воевал. – Ткачук скрипнул зубами. – Заместитель командира батальона по охране тыла. С вашими сотрудниками работали, зачищали освобожденные территории от диверсантов. В боях с прорвавшимися гитлеровцами участвовали.

– Пошли, капитан, уезжать надо. Пришлешь кого-нибудь за мертвецами, если они вам, конечно, нужны.

Они торопливо пошли к дороге.

– Как понял, что это бандиты? – спросил Ткачук.

– Что тут сложного? – заявил Кравец. – Обмундирование новое, муха не сидела, со склада либо где-то лежало без надобности. Плечами водят, задницы ерзают. Неудобно им в этой одежде, непривычно. Шмотки с ноля, а сами не брились несколько дней. Рожи осунулись. О чем это может говорить? По-русски только один понимает, остальные помалкивают. Ты уловил их реакцию, когда полуторка мимо прогремела? Испугались хлопцы, потому как

неожиданно получилось. Да и тот крендель, которого я ножом пырнул... ты бы видел, как он напрягся, шею вытягивал. На эту машину не случайно покушались. Что за груз в кузове?

– Тушенка, – сказал Ткачук. – Может, консервы еще какие, сардины, килька.

– Ого! – Кравец присвистнул. – Банде в тридцать-сорок рыл этого провианта до глубокой осени хватит.

Они спешили к машине, по пути подбирали оружие, валяющееся на земле. Алексей за ноги оттащил на обочину самозванного старшего сержанта, чтобы не препятствовал проезду транспорта.

Окна в кабине были выбиты, но двигатель работал. Взволнованный шофер, отделавшийся испугом, перевязывал товарища. Тот тяжело дышал, пуля застряла в тканях, требовалась срочная госпитализация.

– Живой, служивый? – поинтересовался Ткачук, подходя к нему.

– Живой, товарищ капитан. – Бедняга с трудом выдавливал слова, синел от натуги. – Что мне делается. Глупо как-то вышло. – Он самостоятельно забрался в кабину, стонал, словно роженица.

Водитель, озираясь, занял свое место. Гражданские в кузове сбились в кучу. Шмыгал носом человеческий детеныш.

– Граждане, все в порядке, – объявил Алексей. – Бандитское нападение, все обошлось, преступники уничтожены. Через четверть часа мы будем в Збровичах, и вы пойдете по домам. Приносим извинения за причиненные неудобства. Все на правый борт! Быстро, я сказал!

Их осталось четверо, включая малыша. Человек со шрамом – видимо, обычный, ни в чем не повинный гражданин – и лысоватый тип были мертвы.

Люди смотрели на них со страхом. Зрелище действительно не отличалось привлекательностью. Совместными усилиями тела оттащили к левому борту, сорвали брезент с коробок, укрыли, чтобы не мозолили глаза. Алексей открыл чемодан, который для отвода глаз таскал с собой бандит. Тот был пустой.

Кравец вышвырнул его на обочину, постучал по кабине и распорядился:

– Гони, ямщик!

В районном центре Збровичи до войны проживали двенадцать тысяч человек, а сейчас и половины не осталось. Городок лежал в низине, окруженной лесами и скалами. Со стороны он выглядел компактным, практически не разрушенным войной. Глинобитные бело-голубые хаты на окраинах, крыши, устланные соломой или кровельным железом. Много зелени, плодовых деревьев.

«ЗИС» остановился за первым перекрестком. Пассажиры высадились из кузова и разбрелись.

Машина покатила дальше. На улице стоял еще один пост, на этот раз настоящий. Красноармейцы проверили документы на груз. Мучить пассажиров они не стали, узнали Ткачука, отдали честь.

– Впервые в этом районе, Алексей? – спросил капитан НКВД, когда машина тронулась.

Алексей внимательно смотрел по сторонам. Собаки лаяли из-под заборов. Прохожих было немного, да и те прятали глаза. Мужчин раз, два и обчелся, в основном женщины в неброской повседневной одежде, в платках. Переизбыток патрулей – красноармейцы в выцветшей форме ходили по двое-трое. Дважды Алексей наблюдал, как они проверяют документы у прохожих.

Напротив магазина, где выстроилась очередь за хлебом, стоял потрепанный «Виллис» с пулеметом на консоли. Все это навязчиво напоминало прифронтовую зону, где в любую минуту может что-то случиться.

Вскоре дорога расширилась, грузовик приближался к центру городка. Жилых домов в этой части Збровичей было немного, появлялись учреждения. Мелькали вывески: отделение загса, детский дом.

Несколько раз взгляд Алексея наткнулся на вооруженных людей в штатском с красными повязками. Это были ястребки – местные жители, входящие в состав истребительных отрядов.

– Центральная улица, – комментировал меняющийся антураж Ткачук. – Здесь городская и районная власть, комендатура. Все охраняется самым строгим образом, вот только толку не шибко много. Сам обо всем узнаешь. Полюбуйся, это наша похоронная контора – самая востребованная в городе организация.

Они проезжали мимо длинного барака. В задней его части имелось что-то похожее на гараж. Визжала циркулярная пила, стучали молотки. Под навесами громоздились груды досок, высились штабеля готовых изделий. Гробы были неприхотливые, без всяких украшательств, просто грубые ящики.

– Народ в районе, начиная с сорок первого, умирал пачками, – просвещал Ткачук Алексей. – Негодяи из УПА зверствовали, убивали всех недовольных, советских активистов, поляков, цыган, евреев. Мы пришли, схлестнулись с ними. Их здесь как грязи, под каждым пнем эта нежить. Хоронили, конечно, не в гробах, ладно, если хоть как-то в землю зарывали. УПА у немцев опыт переняла. Они заставляли пленных рыть огромные рвы. Потом туда тесными рядами ложились люди, их расстреливали, заставляли спуститься очередную партию, пока весь ров не заполнялся. Сверху засыпали землей, так она нередко шевелилась, гуляла волнами, представляешь? Живые оставались, пытались вылезти. – Ткачук вцепился в борт так, что костяшки пальцев побелели. – А сейчас все нормально, опять хоронят в гробах, если родственники, конечно, объявляются и желают это делать.

Следующее здание за пустырем выглядело прилично, его недавно побелили. Оно было одноэтажное, вытянутое, состояло из двух корпусов и неплохо смотрелось на фоне густой зелени.

– Средняя школа, – прокомментировал Ткачук. – Занятия пока не ведутся, лето, но с первого сентября должны начаться. Местных преподавателей почти не осталось, скоро придут учителя из восточных областей Украины – кто-то добровольно, другие по комсомольской путевке или по партийной линии. Возможно, уже едут. Щебетала тут давеча стайка баб с чемоданами.

– С кадрами как? – спросил Алексей. – Предприятия работают?

– Плачевно. – Ткачук вздохнул. – Местные некомпетентны либо неблагонадежны. Не поверишь, Алексей, даже здешние учителя массово уходили в леса. Половину постреляли, остальные в норах сидят. Есть механические мастерские, ткацкая фабрика, строительная контора, мукомольный комбинат. Не хватает рабочих, инженеров, врачей в больницу, учителей в школу. Приезжают добровольцы с востока, но их не хватает, да и тех выкашивают бандеровцы.

Решетчатая ограда больницы сияла свежей краской. Само же здание ветшало, осыпалась штукатурка, вываливались кирпичи из кладки. За воротами стояли машины с красными крестами, сновали люди в халатах. Практически все окна были крест-накрест переклеены лентами, вырезанными из газет.

Машина въехала в ворота. Капитан спрыгнул на землю, исчез в здании, вскоре вернулся с двумя санитарями. Они вытащили раненого сержанта из кабины, увели в больницу. Ткачук на крыльце ругался со статной женщиной в медицинском халате поверх офицерской формы. Она махнула рукой и ушла. Появились те же самые санитары, стали извлекать из кузова мертвых.

Алексей спрыгнул на землю.

– Это Ольга Дмитриевна Антухович, – пояснил Ткачук, подоспевший к нему. – Главный врач госпиталя, заодно исцеляет гражданских. Здесь же морг, хирургия.

Женщина снова вышла на крыльцо. Она была статная, эффектная, пусть и не очень молодая, с копной волнистых темных волос, которые безуспешно прятала под шапочку. Докторша нахмурилась, наблюдая, как санитары волокут за угол тела, мазнула взглядом Алексея.

– Дама своевольная, – заявил Ткачук. – Произвела впечатление, Алексей? Целый капитан медицинской службы, уроженка Киева, половину войны прошла с медсанбатом. Можешь не облизываться. – Ткачук подался к нему, доверительно понизил голос: – У этой особы амурные отношения с капитаном Рыковым, заместителем коменданта Глазьева. Тот приберет любого, кто с интересом глянет на его зазнобу... – Ткачук стушевался, вспомнив про красную книжицу своего собеседника.

– Ладно, капитан, приятно было познакомиться. – Алексей не стал вгонять Ткачука в краску, протянул руку. – Дальше пешком дойду, здесь, по-видимому, рядом. Разбирайся с покойниками, проследи, чтобы консервы по адресу дошли. Отправь людей, чтобы убрали все на дороге. Незачем смущать добропорядочных граждан. Может, опознаете кого, потом доложишь. Еще встретимся.

– Удачи, Алексей. Все сделаем, не беспокойся. Топаи прямо по улице. Слева будет отделение НКГБ, потом милиция, дальше увидишь площадь и комендатуру справа. При поляках там волостная управа заседала, при немцах – оккупационная администрация, теперь наша власть. Перенимаем, так сказать, традиции. Прибыл-то с какой целью, не поделишься? – В глазах капитана блеснул интерес.

– Бабула, – коротко объяснил Алексей.

– Ого! – удивился Ткачук. – Высоко ты планку задираешь. Многие хотели прибрать этого вурдалака. Ты в курсе, что в местных национальных кругах он почитается за героя?

– В курсе, – ответил Алексей. – Но мы-то знаем, что он всего лишь негодяй и фашистский недобиток.

– Это точно, – согласился Ткачук. – Нам об этом доподлинно известно.

Он шел по улице с рюкзаком за плечами, как турист где-нибудь в предгорьях Крыма. Прохожие с любопытством оборачивались и поглядывали на него.

Народ здесь одевался небогато. Мужчины носили кофты, безрукавки, мятые пиджаки. Кто-то в жару надевал картуз, кирзовые сапоги. Женщины предпочитали темные косули, невзрачные юбки, полностью закрывающие ноги.

Военных в центре было с переизбытком. У двухэтажной комендатуры, украшенной облезлыми псевдогреческими колоннами, стояли машины, прохаживались люди с повязками и в форме. Слева от крыльца стоял пулеметный расчет, справа – зачехленная полевая кухня.

Часовой на входе уставился на Алексея со смутным предубеждением, сдернул с плеча автомат, расставил ноги.

– Кто такой? Стоять!

«Как их всех тут запугали», – подумал Алексей. Подбежали еще двое бойцов, сдернули с него рюкзак, поставили лицом к стене.

– Руки на стену! – гаркнул часовой. – Не шевелиться!

– Удостоверение слева в пиджаке, – пробормотал Кравец.

– Молчать! – прорычал солдат. – Разберемся! – Он упер ствол в спину Алексея, извлек служебное удостоверение, тупо вчитывался, что-то бормотал.

– Боец, ты испытываешь мое терпение, – негромко проговорил Алексей. – Читать не научили в церковно-приходской школе? Или ты только коридор в ней окончил?

– Прошу прощения, товарищ капитан, – испуганно пробормотал служивый, поднял рюкзак, сунул обратно удостоверение. – Все в порядке, просто вы не в форме.

Далась им эта форма!

– Где комендант? – хмуро спросил Алексей.

– Сейчас, товарищ капитан, сей момент, – заспешил часовой. – Мы ему сообщим, он спустится. Или вы можете сами подняться.

Неужели? Вот спасибо.

Впрочем, комендант сам пожаловал на выход, по поводу более чем печальному. К зданию подъехал грузовой фургон, похожий на хлебную будку, за ним подрулил полноприводный «ГАЗ-64» с двумя автоматчиками и офицером в звании капитана. У машин собирались люди с озабоченными лицами.

Мужчина лет пятидесяти с суховатым лицом и мутными глазами в форме майора РККА шумно спустился с лестницы, устремился к выходу, даже не глянув на Алексея. Вряд ли в этой местности помимо коменданта Глазьева имелись другие майоры.

За ним семенила женщина с лейтенантскими погонами, невысокая, плотная в кости, с миловидным лицом. Сукодная юбка цвета хаки плотно обтягивала крепкие бедра и едва прикрывала колени.

Алексей вышел из здания, пристроился за спинами.

Красноармейцы открывали кузов фургона. Комендант сипло ругался, не смущаясь женского общества. Подошел капитан, сопровождавший машину, подтянутый, жилистый, словно сошедший с плаката, прославляющего офицерский состав победоносной Красной армии. Его скуластое лицо искажалось от досады.

В кузове лежали четыре тела, укрытые мешковиной. Капитан небрежно козырнул коменданту, начал что-то глухо вещать. Тот слушал с недовольным видом, сплюнул, стал осматривать трупы, не залезая в кузов. Все они лежали на краю.

Со ступеней было видно, что это мужчина средних лет в одежде из домотканого полотна, худая женщина, два мальчика десяти – двенадцати лет. Умерли они явно не своей смертью. Бандиты перерезали горло всей семье, даже детям. Люди умирали медленно, мучительно, на искаженных лицах отпечаталось страдание. Смертельные ранения им нанесли в последнюю очередь, перед этим долго истязали. Кровь пропитала одежды и уже засохла. Рубашка на мужчине была расстегнута, на груди красовалась пятиконечная звезда, вырезанная ножом.

Алексей подошел ближе и почувствовал характерный сладковатый запах. Людей убили уже давно, да еще и трупы везли по жаре в раскаленном кузове.

– Что происходит, майор? – спросил Алексей, запуская руку в боковой карман.

– Какое вам дело? – Глазьев бегло окинул взглядом человека в гражданском. – Вы кто такой? Часовой, почему здесь штатские? – рассвирепел он.

– Уймись, майор, – процедил Алексей, доставая удостоверение. – СМЕРШ, капитан Кравец, прибыл для выполнения задания командования. Полномочия у меня весьма широкие. Если вы хотите с этой же минуты начать ссориться со мной...

– Простите, товарищ капитан. – Комендант сглотнул, на его виске проявилась и стала пульсировать жилка. – Это довольно неожиданно. – Майор машинально подобрался, вытянулся.

Война-то кончилась, но СМЕРШ по-прежнему на посту. Поди-ка угадай, что там на уме у его руководства.

– Комендант Збровичского района майор Глазьев Николай Акимович, – представился он. – Мой заместитель капитан Рыков Борис Евгеньевич. – Комендант кивнул на офицера, и тот тоже непроизвольно вытянулся, облизнул губы.

Алексею пришла на память статная женщина в белом халате поверх элегантной формы. Антухович Ольга Дмитриевна, заведующая медицинским учреждением, дама сердца заместителя коменданта.

От внимания капитана не укрылось, как насторожилась женщина в лейтенантской форме, ненароком придвинулась к Глазьеву, даже прижалась к нему плечом. Здесь, похоже, тоже потоптался амур со стрелами. Уставом не воспрещается. Никого не волнует, что у руководи-

теля комендатуры в далекой России, возможно, остались жена и дети. Домой его не пускают. В этих местах война еще не кончилась, повсюду гуляет смерть. Кто его упрекнет?

– Это для вас тоже неожиданно? – Алексей кивнул на тела.

– Разрешите, я доложу, товарищ майор? – сказал Рыков.

– Валяй, – буркнул комендант.

– Из Злотничей рано утром поступил сигнал, товарищ капитан, – проговорил Рыков. – Это Охрим Панасюк и его семья. Мы с ним беседовали здесь, в комендатуре, буквально позавчера. Из местных, сознательный товарищ, до сорок первого возглавлял партийную ячейку в Злотничах. Потом увез семью в безопасное место, сам подался на Волынь в партизаны. С немцами воевал, с бандеровцами. Они его хату в Злотничах сожгли. Вернулся в родное село зимой этого года, заново отстроился, семью привез. Долго колебался, когда ему предложили возглавить Злотничский сельсовет. Приезжал сюда третьего дня, Николай Акимович беседу с ним проводил.

– Он согласился стать председателем сельсовета, – проворчал Глазьев, опуская глаза.

– Вы, конечно же, гарантировали его семье безопасность, – сказал Алексей.

– В Злотничах действует истребительный отряд, – сказал Глазьев. – Семь человек из местных, хорошие ребята, трое в Красной армии служили. Эх, знать бы, что так обернется.

– Бандиты напали ночью, как и всегда, – сказал Рыков. – Половину ястребков в домах перебили, остальные в лес успели сбежать, один из них и сообщил в Збровичи. Соседи видели, что к Панасюку целая свора ввалилась. Он успел пальнуть, потом разоружили его. Всю семью собрали, во двор выбросили, стали избивать, глумиться. Христинку Панасюк насильовали всей бандой... – Рыков покосился на истерзанный женский труп. – Потом зарезали всех, бросили посреди двора, хату подожгли. Да еще и орали на все село, что так будет со всеми, кто намерен сотрудничать с Советской властью. Это бесы какие-то, товарищ капитан. – Лицо заместителя коменданта потемнело, как небо перед грозой. – Безжалостно убивают всех, кого подозревают в сотрудничестве с новой властью, не жалеют женщин, детей, лишь бы остальные боялись и не связывались с нами. Возникают из ниоткуда, пропадают на ровном месте.

– Вы еще мистику сюда приплетите, Борис Евгеньевич, – проворчал Алексей. – Работать надо нормально, тогда и не будет никаких привидений. Зачем убитых в Збровичи привезли?

– А куда их? – Рыков развел руками. – Сейчас в морг повезут. У других погибших родня осталась, в Злотничах и похоронят. А у Панасюков никого. Если кто и возьмется их хоронить, то он не жилец. Ведьмаки из леса внимательно следят. Пусть тела полежат пока в нашем морге, потом могилы выкопаем на погосте.

– Бабула? – лаконично спросил Алексей.

– Бабула, – согласился Глазьев. – В районе действует лишь его банда, остальных извели, а этот демон неуловимый и хорошо информированный. Меняет схроны, прячется где-то в Хованских лесах.

– Вот об этом я и хочу поговорить, товарищи офицеры, – строго сказал Алексей. – Полагаю, никто не питает иллюзий насчет того, будто контролирует обстановку в районе? Я имею полномочия во взаимодействии с комендатурой, местными органами внутренних дел и госбезопасности провести работу по выявлению и ликвидации банды. На досуге сможете ознакомиться с приказом. Надеюсь, вы понимаете меру своей ответственности?

– Понимаем, товарищ капитан. – Глазьев побледнел, начал нервно мять обшлаг кителя. – Что мы можем сделать?

– Мне нужно помещение для работы в здании комендатуры. Надо бы где-то поселиться и немного отдохнуть с дороги. – Он посмотрел на наручные часы. – Предлагаю встретиться в четырнадцать часов. Мне нужна реальная обстановка о положении дел в районе. Хочу услышать ваши предварительные соображения. И никаких украшательств и оправданий, уяснили? Только реальное положение дел и расстановка сил.

– Конечно, товарищ капитан, мы все сделаем, – проговорил комендант.

Алексей как с листа читал его мысли:

«Откуда взялся на нашу голову этот хренов контрразведчик?! Чтоб ты провалился в ближайший колодец! Без тебя все тошно и безнадежно, а теперь и вовсе пахнет трибуналом!»

– Я распоряжусь, товарищ капитан, вас поселят по первому разряду, – пробормотал комендант. – И на довольствие поставят. Вы, наверное, проголодались с дороги. Рыков, чего глазами хлопаешь? Немедленно распорядись, чтобы товарища капитана поселили и накормили! Ирина Владимировна, а вы что стоите? – Он повернулся к женщине, которая дернулась от неожиданности. – Немедленно всю документацию мне на стол!

– Отправьте людей на дорогу со станции Тусковец, – распорядился Алексей. – Три тела в советской форме. Надеюсь, они еще там. Это переодетые бандеровцы. Подробности у капитана Ткачука. Еще два тела в морге. Один из этих парней имел отношение к вооруженному подполью. Покажите покойников местным жителям, возможно, кто-то их опознает. И не смотрите так, товарищ майор! – Алексей повысил голос. – На нас напали по дороге в Збровичи. Бандиты в новеньком советском обмундировании пытались захватить машину с продовольствием. Мне и капитану Ткачуку удалось отбить нападение. Ранен сержант, сопровождавший груз, погиб местный житель.

– Я понял, товарищ капитан. – В глазах коменданта помимо опаски появилось что-то вроде уважения. – Я срочно пошлю людей. Но потребуются подробности.

– Будут вам подробности, – отрезал Алексей. – Заодно подумайте, где бандиты могут добывать новую военную форму.

– Товарняк в Костополе в прошлом месяце разграбили, – вспомнил Рыков. – Это станция перед Львовом. Бардак в железнодорожном хозяйстве! Состав на запасных путях четыре дня стоял, бригаду не могли собрать. Дождались! Ночью бандиты на телегах подкатили, охранение вырезали, груз растащили. Виновные понесли наказание, но то, что пропало, уже не вернуть. Это не первый случай, товарищ капитан. – Рыков сокрушенно вздохнул. – Примерно три недели назад боевики, переодетые красноармейцами, въехали на полуторке в Родяники, где начал работать колхоз. Убили шестнадцать человек, сожгли сельскохозяйственные постройки, силосную башню, зернохранилище, запугали тех, кого не стали расстреливать. Все материалы будут в докладе. Разрешите заняться постановкой вас на довольствие?

Глава 2

Ему не требовались деликатесы и мягкая перина в безопасном особняке под охраной пулеметчиков. Алексей привык к спартанским условиям. Впрочем, никакой роскоши он и не увидел.

Повар в комендантской столовой лез из кожи, но блюда были невкусными, мясо горчило, картошка напоминала зажаренную медузу. В пыльном кабинете на втором этаже, где два красноармейца лихорадочно мыли пол, из мебели имелись только сейф, стол, несколько стульев и крючки для верхней одежды.

От присутствия немецкой администрации не осталось и следа. Его вытравили каленым железом, но порядок навести забыли.

Комендант выделил ему бойца, чтобы проводил до гостиницы. Впрочем, последнее слово стоило бы писать в кавычках. Здание барачного типа, стоявшее на задворках в глубине квартала, было неприлично старым, в стенах зияли пулевые отверстия. Впрочем, стекла были вставлены, крыльцо подкрашено, трава перед фасадом прополота.

Солдат сдал Алексея на руки сухощавой особе в темно-синем безвкусном платье и поспешил ретироваться, сославшись на миллион служебных надобностей. Эта дама с ломкими, стянутыми в узел волосами и постным лицом представилась Вандой Ефимовной. Она провела его по голому коридору и показала крайнюю справа дверь.

На что-то подобное Алексей и рассчитывал. Первая комната, квадратов двенадцать, так называемая гостиная. Слева крохотная спальня. У входа условно действующий санузел, кран с холодной водой, что-то вроде душа. Окно в спальне заколочено, в гостиной задернуто шторкой, в которую любил сморкаться предыдущий постоялец.

– Прошу вас понять, уважаемый, – скрипучим голосом возвестила Ванда Ефимовна. – Это лучшее, что мы можем предложить. В других комнатах нет ни света, ни воды, там полностью сгнила проводка. Жильцы вынуждены пользоваться колодцем. Электрик – один на два района.

– Вы местная? – спросил капитан.

– Да. – Женщина сухо кивнула. – До войны я работала бригадиром на фабрике, потом перевели в гостиницу. Мой муж... – Она поколебалась, даже смутилась, насколько позволяли ей чопорность и сдержанность. – Он был украинцем, но работал на должности делопроизводителя в польской администрации. Его расстреляли немцы по ложному обвинению. Мой сын ушел в партизаны и погиб.

– Мне очень жаль, Ванда Ефимовна, – посочувствовал Алексей. – Спасибо, меня все устраивает. Не сказать, что в восторге, но терпимо. Если что-то понадобится, я сообщу.

– Хорошо, моя комната в другом конце коридора. Ключ на столе. В шкафу посуда, старые газеты, там же найдете постельное белье и утюг. Пользуйтесь, если понадобится. Это электрический утюг! – добавила она не без гордости и удалилась с высоко поднятой головой.

Алексей задумчиво смотрел ей вслед. Эта странная особа явно не рада «уставшим путникам».

Он вышел из оцепенения, запер дверь на щеколду и быстро осмотрел помещения. Унитаз зловеще выл, но работал. Кровать с панцирной сеткой напоминала западню.

Вид из окна заслуживал отдельного описания. Оно выходило на задворки, заросшие бурьяном. Цивилизация эту местность обошла стороной, если не считать оврага, заваленного мусором. За ним теснились деревья и кустарники, еще дальше вздымались крыши домов, стоявших на соседней улице. Пустырь выглядел не очень симпатично и меньше всего ассоциировался со словом «безопасность».

Алексей философски относился к подобным вещам. Все не может быть хорошо.

Он вернул шторм в исходное положение, подошел к зеркалу, висевшему на ободранной стене. Собственное отражение давно разонравилось ему. Лицо темнело, выпирали скулы, глаза проваливались в черепную коробку и становились ко всему безучастными.

Война окончилась еще в мае, а он даже не помнил, чтобы шибко радовался этому факту. Лично для него бои продолжались. Ему неизвестно было, когда они утихнут.

Он вывалил на кровать содержимое рюкзака, отыскал коробку с патронами, зарядил наган. Расправил офицерскую форму, повесил на плечики, дотошно исследовал ее. Обмундирование было не новое, но тщательно отстиранное и зашитое. Пройтись утюгом, и не стыдно выйти в свет.

В коробочке лежали награды. Алексей задумчиво перебрал медали «За боевые заслуги», «За отвагу», орден Красной Звезды, покрытый рубиновой эмалью. Последней наградой он очень дорожил, надевал редко, не кичился. Получил ее капитан уже после завершения операции под Прагой.

Он убрал награды в рюкзак, отыскал в шкафу относительно чистое полотенце, принял душ. Алексей еще не разучился с юмором относиться к подобным процедурам. Вода текла исключительно холодная, причем прерывисто.

После мытья он тщательно выбрился, облачился в чистое белье и завалился на койку с папиросой в зубах. Мысли следовало привести в порядок, отринуть все лишнее, что могло отрицательно сказаться на работе.

Жизнь мелькала перед глазами, как теплушки, гремящие по рельсам. Мертвая жена Иришка, оказавшаяся с дочуркой на той самой стороне Невского проспекта, которая «при обстреле наиболее опасна». Он не мог представить их мертвыми.

Вот подмосковная дача, где он просит у важного полковника НКВД руки его очаровательной дочери. Тот благодушно посмеивается. Он не похож на властного вершителя человеческих судеб и еще не знает, что через полгода его арестуют. Полковник полностью потеряет зрение от удара кулаком по голове и не сможет увидеть дырочку пистолетного ствола, откуда вылетит пуля и разнесет ему полчерепа.

Вот Иришка на качелях, смеется, развевается ее любимое ситцевое платьишко. Вот она от всех отмахивается и зубрит сопромат, по которому чудовищно отстала. Она же, только в траурной рамке, хотя при этом улыбается.

Сентябрь сорок четвертого – уничтожение банды Нестора Бабулы в Туровском районе, несколько южнее того места, где сейчас находился Алексей. Тогда они положили всех негодяев, кроме Бабулы. Погиб хороший парень Пашка Овчинин.

Район пытались перекрыть, выставили дозоры в селах, на дорогах. Но Бабула пропал. Исследовали речку, в которую он бултыхнулся, прежде чем пропасть, не нашли ни живого, ни мертвого.

Наказания Алексей не понес. Все-таки банда была уничтожена, в районе стало тихо.

Вместе со стрелковым корпусом он перешел границу, работал в Западной Галиции, где орудовала та же УПА, реками лилась кровь ни в чем не повинных людей. Часть бандеровцев ушла с немцами, остальные засели в лесах. Их приходилось выкуривать из нор.

Фронт продвигался на запад, через Польшу в Германию. Соппротивление врага становилось все ожесточеннее.

Под Карлслау группу оперативников, разыскивающих раненого группенфюрера Курта Штайдлера, целого генерал-лейтенанта, по общевойсковой классификации, окружили парашютисты из СС. Эти ребята тоже искали пропавшего генерала. Бой длился полдня. Отделение бойцов из дивизии НКВД полегло почти целиком, но десант был уничтожен. Файдулину в том бою чуть не оторвало пулей ухо, Малащенко получил касательное ранение в плечо.

Господина группенфюрера бойцы в итоге нашли на дне отхожей ямы, в нужнике. Туда они заглянули в первую очередь.

– Дерьмо к дерьму тянется, – резонно рассудил Газарян, и никто не стал с ним спорить.

Позднее группу Алексея распустили. Всех отправили в Восточную Пруссию, а его самого перебросили в Чехословакию, где немцы позже всех прекратили сопротивление.

Последней операцией на фронтах Великой Отечественной для него стал прорыв со штурмовым взводом и отделением саперов к августинскому монастырю Благовещенья Девы Марии, оборудованному немцами под склад архивных документов. Брали его жестко, нахрапом, чтобы не дать эсэсовцам сжечь тысячи ценных бумаг, свидетельств их бесчеловечной сути. За этот бой капитан Кравец и получил высокую правительственную награду, а также краткосрочный отпуск на родину.

Потерянный, опустошенный, он несколько дней бродил вдоль каменных парапетов Невы, слонялся по улочкам, где прошло его детство. «А приехал я назад, а приехал в Ленинград». Алексей бродил по городскому кладбищу, расположенному на северной окраине города, недалеко от деревни Пискаревка, где в братских могилах покоились жертвы блокады. Где-то тут лежали его родные.

Потом он забрался в какую-то пивнушку и надрался до свинячьего визга, что не было, разумеется, лучшей страницей его биографии. Дом, где жил Алексей, был полностью разрушен. Из родственников и друзей никого не осталось.

30 мая он вернулся на службу, прибыл поездом в город Львов. Оттуда капитан отправился в Одессу, где осталась сеть агентов абвера. А воевать там ему пришлось против уголовного элемента, который расплодился, как саранча, и представлял реальную угрозу государственной безопасности.

Вскоре Кравец был срочно отозван обратно во Львов. Его вызвал к себе полковник Самойлов, главный контрразведчик на Западной Украине.

– Получай задание, капитан, – проговорил тот. – Бандеровщина окончательно распоясалась. В Збровичском районе действует твой знакомец Нестор Бабула. Он объявил себя царем и богом, терроризирует население, нападает на советские органы власти, запугал народ. Сорвана посевная, все попытки наладить мирную жизнь. Наши тыловые учреждения несут невосполнимые потери. По агентурной информации, он окопался в Хованских лесах, откуда и устраивает свои рейды. У тебя расширенные полномочия. Бери кого хочешь, командуй кем угодно, но пока не покончишь с Бабулой, во Львов не возвращайся.

– Ошибки нет, товарищ полковник? – Алексей напрягся. – Это точно Нестор Бабула?

– Он самый и есть, – подтвердил полковник. – Точнее быть не может. Лютый зверь, направленный в район самим Шухевичем, который тоже скрывается в Галиции или на Вольни. Жители района в страхе. Там действуют многочисленные отряды националистов, группы по десять-пятнадцать человек, у которых имеются свои собственные схроны. У Бабулы есть освещенные помещения. Не исключено, что это наши, в том числе облаченные властью. Бандеровцы хорошо натасканы, в группах строгая дисциплина. Взаимодействие между бандами осуществляется с помощью связников, отследить которых практически невозможно. Крупные войсковые операции теперь бессмысленны. Ушло то время. Головой надо думать.

– Я понял, товарищ полковник, – сказал Алексей. – Давайте мне неограниченные полномочия, и задание будет выполнено. Но не уверен, что могу всерьез положиться на местные отделы НКГБ и НКВД. Я не знаю, какие там люди, насколько они опытные. Мне нужны парни из моей группы. Это в вашей власти – найти их и привлечь к работе. Сделайте одолжение, товарищ полковник.

– Хорошо, я постараюсь их найти, – согласился всемогущий начальник управления. – В общем-то ты прав, в этих отделах зелень неопытная, не приученная думать. Всех стоящих оперативников война повыбила. Я поищу твоих людей, направлю их к тебе, если удастся собрать.

Но ждать, пока они соизволят явиться, – такой роскоши мы позволить не можем. Езжай один, разбирайся. Товарищи со временем подтянутся. Да постарайся дожить до их приезда. Если ты погибнешь, на кого я тогда положиться смогу?

Да, нормальных кадров в стране практически не осталось. Смерть забирала людей без пощады.

То, что происходило на Западной Украине, было логично и объяснимо. ООН не собиралась сдаваться, объявляла об усилении вооруженного националистического движения. Борцы за украинскую идею не щадили никого. В одной из инструкций своим клеветам свежеепеченный эмигрант Степан Бандера открыто заявлял: «Наша власть должна быть страшной!»

Бандиты поменяли тактику. С регулярными частями Красной армии они теперь не связывались, действовали мелкими группами. Они убивали красноармейцев, милиционеров, работников советского и партийного актива, тех, кто выходил на работу в колхозы, считали, что смогут заморить большевиков голодом. Герои УПА, не смущаясь, уничтожали своих же украинцев. Были такие села, все население которых они вырезали под корень.

Костяк банд составляли легионеры карательных батальонов «Нахтигаль» и «Роланд», расформированных в сорок втором году, эсэсовцы из дивизии «Галичина», разбитой в пух и перья. Многие бандеровцы прошли подготовку в лагерях абвера.

Их бессменным командующим был Роман Шухевич, так называемый генерал-хорунжий. Этот демон был неуловим, имел впечатляющий послужной список. Наряду с Бандерой он возглавлял ООН. Только первый из них слал депеши из эмиграции, а второй прятался по схронам и бункерам, руководил головорезами на месте. Восточная Польша – тоже его епархия. Хитрый, умный, хладнокровный, вычислить его дислокацию было невозможно.

В звании гауптштурмфюрера он занимал должность заместителя командира 201-го охранного батальона вспомогательной полиции. Его непосредственным руководителем был обергруппенфюрер СС Эрик фон Бах. Вместе с батальоном «Нахтигаль», действующим в составе полка «Бранденбург», Роман Шухевич брал Львов летом сорок первого. Его шущманы, выслуживаясь перед немцами, первыми ворвались в город, взяли радиостанцию, откуда торжественно заявили о восстановлении украинской государственности.

Немцы посмеялись, указали бандеровцам их истинное место, но боевой пыл горячих хлопцев использовали. Батальон «Нахтигаль», где Шухевич служил в чине гауптмана, зверствовал во Львове, расстреливал евреев, цыган, польскую и украинскую интеллигенцию, советских и партийных работников, раненых красноармейцев, обычных людей – всех тех, кто попался под горячую руку.

В сорок третьем он разочаровался в немцах, ушел в подполье, создал Главный военный штаб УПА. Но Шухевич все равно сотрудничал с руководством зондеркоманд, с охотой принимал участие в карательных акциях, направленных против поляков, своих же собратьев украинцев.

В начале сорок пятого, когда ООН рекомендовала Бандере не возвращаться на Украину, он фактически возглавил движение, названное именем своего подельника. Шухевич нарек себя главным секретарем по военным делам, председателем Главного освободительного совета, главнокомандующим всеми бандами УПА.

Алексей хорошо представлял себе, что такое типичная группа бандеровцев. Жуткая помесь абвера с махновщиной, и все это в лучших традициях партизанского движения! Крупные соединения повстанцев членились на мелкие отряды.

В возвращение немцев никто не верил. Ставка отныне делалась на неизбежный конфликт СССР со странами Запада, в ходе которого и заявит о себе независимое украинское государство. Советская разведка докладывала, что западные спецслужбы будут подпитывать надежды украинцев на скорую войну с большевиками, присылать своих эмиссаров, деньги, технику, боеприпасы. Тянуть время, беречь силы, пока не начнется военный конфликт.

Действовать широким фронтом ОУН уже не могла. К весне сорок пятого войска НКВД и органы госбезопасности разгромили все крупные бандформирования, уничтожили больше пятидесяти тысяч бандеровцев, столько же взяли в плен.

Но у гидры вырастали новые головы. Подполье действовало, усердно гадило. Бандиты появлялись внезапно, убивали людей, сжигали дома и пропадали. На Западной Украине не было такого места, где не страдали бы люди.

Алексей извлек из сумки карту Збровичского района крупного масштаба, развернул. Он знал ее наизусть и все же всматривался, прокладывая стежки между населенными пунктами.

«Где же ты сидишь, старый знакомец? Помнишь ли офицера группы СМЕРШ, который вычислил твою банду год назад, а потом безуспешно преследовал тебя по лесу?» – думал капитан.

Через этот район, заселенный не особенно густо, проходила железнодорожная ветка в Восточную Галицию. Он вплотную примыкал к польской границе. Территория соседнего государства располагалась на северо-западе, до польских Пшецина и Люблявы было не больше двадцати километров. Часть границы проходила по Излучи. Эта речушка протекала через Збровичи и уносилась на восток, к Бежанам, Злотничам и Пухте, до которых от тридцати до сорока верст.

Львов на юго-востоке. Железная дорога проходит через Тусковец, что на юге от Збровичей, на польскую Любляву. Там же, на юге, крупные села Костополь, Лепень, приграничный Жлотов.

К северу от Збровичей на обширной территории раскинулись глухие Хованские леса. Они упирались в границу на севере. В самой глуши затерялось село Хованка, давшее название лесному царству. По периметру зеленого массива стояли Острожи, Гожище, Рывда. Восточнее располагался Троепольский район.

Открытых участков немного, в основном на юге. Повсюду хвойно-лиственные леса, в которых без особого труда можно спрятать парочку крупных войсковых соединений вместе со штабами и обозами.

В два часа дня Алексей, облаченный в форму с поскрипывающей портупеей, в начищенных сапогах, пересек двор, поднялся на крыльцо комендатуры, покурил, осмотрелся. На дальнем краю пустыря, заменяющего городскую площадь, солдаты разгружали полторку – вытаскивали из нее какие-то бидоны, волокли в столовую. У зачехленной полевой кухни курили патрульные.

Дневная жара еще не спала. От ветерка, налетающего порывами, не было пользы.

С казарменного плаца, расположенного где-то справа за деревьями, доносились командные крики. Там солдаты местного гарнизона проводили строевые занятия, чеканили шаг. Потом они нестройно затянули: «Мы раздуваем пожар мировой, церкви и тюрьмы сравняем с землей!» Такое ощущение, что за последнюю четверть века репертуар в Красной армии не изменился.

Алексей поморщился. Неужто занять солдат больше нечем?

Часовой на входе давно его приметил, оторвался от стены и с лицом, выражающим неусыпную бдительность, прохаживался по крыльцу. Он отдал честь, когда офицер СМЕРШа наконец-то соизволил войти. Удостоверения не потребовал, тем самым грубо нарушил Устав гарнизонной и караульной службы РККА.

В приемной коменданта сидела женщина с погонами лейтенанта и отсутствующим лицом. Пальцы ее бегали по клавишам старенькой печатной машинки. Треск стоял как в печке. Она подняла глаза, сделала их большими, как блюдца, до краев наполненными смыслом и быстро поднялась. Этой особе, к которой благоволил комендант Глазьев, тоже не понадобились документы Алексея. Ей хватило зрительной памяти.

– Сидите, – заявил капитан. – Занимайтесь своими делами.

Алексея бесило, когда при виде его удостоверения, в котором, как он считал, не было ничего ужасного, вытягивался по струнке весь военный люд, вплоть до дивизионного начальства. Лишь бы выслужиться, произвести хорошее впечатление, чтобы чего не подумал, не взял на карандаш. Это те самые люди, которые еще вчера бесстрашно ходили в атаку, смеялись в лицо смерти. Они знали, что за ними нет никакой вины, но органам виднее.

– Там? – Алексей кивнул на дверь кабинета.

– Там, – сказала женщина, села и украдкой скользнула взглядом по ладной фигуре офицера контрразведки.

Он и сам знал, что в форме выглядит лучше. Многие дамы ему об этом говорили.

– Хорошо. – Алексей сделал пару шагов и остановился. – Напомните, как вас зовут?

Она опять вскочила.

– Лейтенант Савицкая Ирина Владимировна. Служила старшей в группе телефонисток в батальоне связи, который дислоцировался под Дубнами. В апреле подразделение расформировали, меня и еще двух человек направили на работу в Збровичскую комендатуру. Я хорошо умею печатать на машинке, товарищ капитан... – Женщина смутилась, потупилась.

– В гражданской жизни вам это очень даже пригодится, – сказал Алексей. – Откуда вы родом?

– Родилась под Киевом, товарищ капитан, – быстро ответила женщина. – Окончила техникум связи в сороковом году.

– Были в оккупации? – Он по привычке насупил брови.

Женщина занервничала и проговорила:

– Под немцами мы прожили совсем недолго, три месяца. Отец был бухгалтером на машиностроительном заводе, знал людей из подполья. Нас вывезли лесами через линию фронта, доставили в Калинин, потом в Орехово-Зуево. Отец и там работал на заводе, я подала заявление в военкомат...

– Хорошо, мы с вами еще поговорим, Ирина Владимировна. – Он распахнул дверь.

Комендант, придерживая разбитую крышку, прикрывающую мембрану телефонной трубки, крыл матом какого-то Зуева из хозчасти.

Алексей поморщился. Жизнь без мата небогата.

Комендант почувствовал постороннего, мгновенно перешел на русский литературный и швырнул трубку. Понятно, отчего она разбилась. Нервы у всех не железные.

– Проходите, товарищ капитан, – сказал он и начал выбираться из-за стола, загроможденного ненужными вещами.

– Нет уж, лучше вы к нам, Николай Акимович. Забыли, что мы договорились встретиться? Через пять минут жду вас в своем кабинете. И капитана Рыкова тоже.

Вскоре он стоял у окна в помещении, выделенном ему для работы, и пускал дым в открытую форточку. Алексей меланхолично наблюдал за тем, как со ступеней комендатуры скатился молодой боец без оружия. Подтягивая штаны, он побежал через пустырь и повернул к госпиталю. Майор Глазьев послал его за помощником. Что за амуры в служебное время?

Подавляя раздражение, капитан отошел от окна, сел за девственно чистый стол. Он не любил копаться в бумагах, давиться пылью, щелчками избавляться от дохлых тараканов, прилипших к документам. Предпочитал работу в поле.

Руководство комендатуры нарисовалось через шесть минут. Майора Глазьева одолел нервный тик, заместитель Рыков запыхался, тяжело дышал. Интересно, от каких важных дел отвлек его посыльный? Товарищу Антухович тоже нечем заняться в служебное время?

Рыков судорожно застегивал крючок на вороте гимнастерки. Комендант поглядывал на него со злостью. Эх, в военное время они бы так не расслабились.

– Опаздываете, товарищи офицеры, – проворчал Алексей, с нескрываемой иронией посмотрел в глаза Рыкову и спросил: – Вам служба не мешает заниматься личной жизнью?

– Виноват, товарищ капитан, – пробормотал тот. – Всего лишь на минутку отлучился.

– А до этого тянули лямку как бурлаки на Волге? Проводили с населением беседы о вреде национализма? Занимались патриотическим воспитанием молодежи? Ладно, – бросил Алексей. – В следующий раз напишем прогул и не засчитаем трудовой день. Это шутка. Надеюсь, вы еще осознаете свою ответственность. Садитесь, что вы тут торчите? – Он кивнул на свободные стулья, офицеры, чуть поколебавшись, опустили на них. – Сделайте лица попроще, вы не на допросе. Повторяю, я прибыл в район для проведения оперативной работы по выявлению и ликвидации особо опасной банды бандеровцев, возглавляемой Нестором Бабулой. Я должен наладить взаимодействие всех сил, имеющихся в районе. Предлагаю оставить субординацию в покое, если она мешает работе. Меня зовут Алексей. Избавьтесь от подобострастия, от страха, что я вас упеку за решетку, если вы сделаете что-то не так. Для этого существуют другие органы. У меня иная цель. Нам реально надо обезвредить и уничтожить банду, терроризирующую район. Для этого хороши все средства. Ладно, почти все. Где личный состав гарнизона, Николай Акимович?

– У них плановые занятия, по плацу топают.

– Мы знаем инструкции, товарищ ка... прошу прощения, Алексей, – проговорил отдышавшийся Рыков. – Бандиты постоянно ведут разведку, используют свои связи среди местных жителей, поэтому запрещены построения всего личного состава на виду у населения. Занятия по строевой, боевой и политической подготовке проводятся повзводно, в порядке очереди, вблизи от казармы, обязательно с личным оружием. Этим занимается старший лейтенант Осипчук. Все занятия идут во время, свободное от боевого дежурства. Бойцы несут караульную службу, выезжают на чрезвычайные происшествия. Гарнизону придан автомобильный взвод. Правда, там всего лишь старые полуторки да пара списанных «козликов». Все это железо приходится постоянно ремонтировать, заказывать запчасти.

– С ними полная погибель, – подтвердил Глазьев. – Каждый день доводится лаяться с начальством складов в Тусковце. Иногда обмениваем детали на продукты, обмундирование, спальные принадлежности. Разговаривать человеческим языком уже не получается.

– Я заметил. Какими подразделениями мы располагаем в районе?

– Комендантский взвод насчитывает тридцать четыре человека, – сказал Рыков. – Бойцы охраняют комендатуру, гауптвахту, гараж, электрическую подстанцию и водозабор, восстановленный с немалым трудом, осуществляют патрулирование. Люди обстрелянные, все воевали. Есть еще гарнизон. Он состоит из автовзвода и полутора стрелковых рот под командой Осипчука. Примерно полторы сотни красноармейцев. У них ППШ, винтовки Мосина, десяток ручных пулеметов, два «максима», гранаты. Ни танков, ни артиллерии, сами понимаете. В крупных селах стоят взводы или отделения, но служба там у них несколько специфичная.

– Понятно. – Алексей поморщился. – Охраняют сами себя. На что-то большее не способны. НКГБ? НКВД?

– Капитана Ткачука вы уже знаете, – сказал Глазьев. – Нормальный сотрудник, имеет опыт, проявляет выдержку. В отделе не больше дюжины милиционеров. Это бывшие солдаты и сержанты полка НКВД по охране тыла действующей армии. В подвале отдела при немцах работало гестапо. Сейчас там оборудован тюремный изолятор, где в одиночках содержатся бандиты и их пособники, провинившиеся красноармейцы и...

– И прочие враги народа, – продолжил Алексей. – Негусто у вас с милицией. С государственной безопасностью, видимо, тоже все запущено.

– Им хорошо досталось, – проворчал Рыков. – В засаду попали на прошлой неделе. Погибли капитан НКГБ Лучанский и несколько его людей. Теперь пытаются наладить работу,

но очень мешает нехватка сотрудников. Временно возглавляет отделение старший лейтенант Березин. Молодой он еще, хотя и старается.

– Убивают нас, Алексей. – Комендант глубоко вздохнул и прямо посмотрел в глаза контрразведчика. – Люди гибнут постоянно. Четверо у Лучанского, не считая его самого. У Ткачука недавно пристрелили троих здесь да еще участкового в Бежанах. Два милиционера угодили в госпиталь во Львов. Граната рядом взорвалась, три ноги на двоих недосчитались. В комендантском взводе двое погибших за последнюю неделю. Бандиты обстреляли подстанцию, пытались прорваться на территорию, но их отогнали. Натворили бы там бед, если бы прорвались, весь район обесточили бы.

– Теперь охрана усилена, – проговорил Рыков. – Осипчук выделил отделение. Бойцы несут службу круглосуточно, объект охраняют, как товарища Сталина! – брякнул он, не подумав, и тут же начал наливаясь краской.

– Я тихо радуюсь за вас, – пробормотал Алексей.

Такое сравнение не покорило его. Хорошо было бы, если бы подстанцию действительно охраняли так же тщательно, как товарища Сталина!

– У Осипчука тоже потери, – быстро сказал комендант. – Ездили на вызов в Лепень. Оказалось, что засада, бандиты за околицей напали. Хорошо, что учли подобную вероятность, из «максима» отбились. Но двоих все равно недосчитались. По нынешним меркам это рядовое событие.

– Бандиты неуловимы, – пожаловался Рыков. – Вы извините, Алексей, что говорим так, как есть, но они действительно хуже саранчи. Каемся, не удастся пока справиться. У них информация, агенты. Лезут из всех щелей, пакостят и исчезают. Могут атаковать где угодно, в сортир с автоматами ходим! Шесть дней назад напали на райком, представляете? Это в двух шагах от комендатуры, за казармой. Вечером было дело, стемнело уже, но люди еще не разошлись. Вылезли как из тумана, непонятно откуда, никак не меньше десяти рыл, обстреляли окна ураганным огнем, забросали гранатами. Когда бойцы прибежали, их уже и след простыл, только гильзы стреляные остались. Два часа по округе рыскали, никого не нашли. Местные делают удивленные лица, хотя определенно что-то знают. Но не будешь же всех до одного расстреливать!

– Хотя и надо бы, – в сердцах бросил комендант. – Через два на третьего хотя бы. Спокойнее жилось бы тогда. Восемь человек погибли. Бандиты знали, куда стрелять и гранаты бросать. Секретарь райкома товарищ Павленко – бывший фронтовик, решительный человек, его заместитель Гриневский Макар Макарович, председатель райисполкома Грабарь, секретарь по идеологии Кравченко Яков – бывший партизан, хорошо знавший самого Ковпака. Вся партийная ячейка полегла. Павленко собрание актива проводил. Как теперь прикажете призывать людей в партию? Кто к нам пойдет? Работа райкома практически парализована, лучшие люди выбиты.

– Вот что интересно, – вставил Рыков. – У нас нет никаких подтверждений, что группа вооруженных чужаков вошла в город. Десять рыл, обвешанных оружием, не иголка. Повсюду посты, и никто их не заметил. Они явно пользуются подземными ходами.

«Один из выходов расположен где-то поблизости, – сделал мысленную зарубку Алексей. – Весело, нечего сказать. Бандиты в любой момент могут появиться».

– Устроили облаву, прочесали кварталы, прилегающие к райкому. Ничего и никого! – Рыков вздохнул. – А они нам привет на следующий день – больницу обстреляли! Правда, не убили никого, только стекла поколотили. Но опять же откуда взялись, куда делись?

– В Жлотове на опорный пункт напали, – продолжал скорбный список Глазьев. – Подъехали на полуторке под видом красноармейцев, еще с девушкой на заправке шутили, заигрывали, звали на свидание. Потом и ее убили, и всех, кто рядом был. Опорный пункт, правда, взять не смогли, не по зубам им оказался. В Троеполье на военкомат совершено нападение.

Несколько сотрудников вывели во двор и расстреляли. Еще две семьи. Они на призывной пункт пришли, сыновей в армию провожать. Потом листки к трупам прицепили. Дескать, так будет со всеми, кто пойдет в Красную армию.

– Поляки возвращаются в родные дома, – сказал Рыков. – А их опять убивают. Село недалеко от Жлотова, Люкля называется, там испокон веков польские крестьяне жили. В сорок третьем гады из УПА с облавой нагрянули, спалили село, кто-то убежал через границу, кому-то не удалось. В мае, когда наши Берлин брали, поляки возвращаться стали. Им никто не препятствовал. Советская власть этому всячески способствовала. Пара десятков семей на родину перебрались, заново дома отстраивали. В начале июля бандюки вошли в село, опять все сожгли, а народ, как гирлянду, на деревьях развесили. Люди негодуют. Вы же, мол, во-первых, интернационалисты, во-вторых, божились бедноту защищать. Почему ничего не делаете? А мы беспомощны, не можем у каждого дома пулеметчика поставить. Да и толку от них!.. Хочешь правду, Алексей? – У коменданта побелели скулы. – Местные власти фактически потеряли контроль над сельской местностью. В крупных поселениях какая-то видимость есть, а в селах – ни хрена. Бандиты ходят, где хотят, творят, что вздумается. Я жизнь отдам, чтобы выполнить приказ, Алексей, – процедил комендант. – Но в этой ситуации мы бессильны. Нас переигрывают. Нужно менять подходы, уплотнять агентуру, засылать своих людей в банды. Это не армия должна делать, не такие великие полководцы, как мы с Рыковым.

– Ладно, разговорились вы что-то, Николай Акимович, – прервал его Алексей. – Хотите поучить СМЕРШ, как ему работать? Не пугайтесь. Что вы побледнели? За правду у нас не расстреливают. А вот за неумение наладить работу – могут. С коммунистами в районе все понятно. Что насчет комсомольского актива?

– Да это форменный пассив, а не актив, – заявил Рыков. – Бойтся молодежь к нам идти. Родственники не пускают, и кто их осудит? Придут бандиты и всю семью прирежут за сотрудничество с властью. Все комсомольцы – переселенцы с востока Украины. По организованному набору, по зову сердца приехали восстанавливать Галицию и Волынь, налаживать мирную жизнь. Рабочие, водители, милиционеры. У Ткачука, между прочим, половина отдела таких. Живут в общежитиях, на съемных квартирах и тоже подвергаются опасности. Хорошо, если стрелять умеют, а там ведь много женщин.

– Недавно трех комсомолок в лес увели, – мрачно поведал Глазьев. – Через день их тела на дорогу выбросили – еле опознали. Надругались над девушками пламенные националисты, потом на куски порезали. Два механизатора из Пухты пропали. Пару дней искали, нашли в заброшенном колодце.

– Значит, ничего утешительного вы не можете мне поведать? – осведомился Алексей.

– Можем. – Рыков пожал плечами. – Под Троепольем органами госбезопасности проведена операция, выявили схрон, подорвали его, дюжину бандитов отправили к праотцам. Выявили связника в Зыкове. Он имел контакты с сообщниками на польской территории и неким парнем из британской разведки. Правда, перестарались, погиб при задержании. Участковый отдела НКВД в Гожище ухитрился отбить нападение. Ночью через плетень к нему перелезли. Парень оказался умным, заранее получил информацию о готовящемся визите, семью в подвал сплавил. А сам на крыше курятника пулемет поставил и ждал. Когда они через двор крались, давай поливать их огнем. Пятерых супостатов на месте положил, никто не ушел. Этот парень пока живой, службу несет, но надолго ли?

– Спасибо, товарищи офицеры. Обстановка мне в целом ясна, – проговорил Алексей. – Враги повсюду, успехи весьма скромные. Передайте Осипчуку мои пожелания. Учебу личного состава временно прекратить. Усилить посты в комендатуре, больнице, на всех значимых объектах городской инфраструктуры. Чтобы не спали, если хотят выжить. Активнее вести патрулирование. Немедленно задерживать всех подозрительных личностей, выявленных вблизи постов. Посидят немного, ничего страшного. Отношение к нам местных жителей от этого

не пострадает. Оно и так хуже некуда. Быть готовыми по первому требованию предоставить мне рабочий транспорт, до взвода вооруженных и экипированных красноармейцев. Соблюдать режим секретности по всем перемещениям подразделений и даже отдельных личностей. Надо пресечь болтовню, товарищи офицеры! – Он впился глазами в смущенных собеседников. – Никакой служебной информации посторонним, чего бы она ни касалась, даже поставок тушенки. Ни малейших откровений перед женским полом! Еще раз говорить об этом я не буду. Проколется – немедленно припомню. Допустите ошибку – отправитесь за решетку. Никакого алкоголя, развлечений и тому подобного. Сразу ставлю в известность, что я решительный противник пира во время чумы. Все понятно, товарищи офицеры? Ваша миссия ограничивается этим. Пока, во всяком случае. Можете идти.

Глава 3

Конкретный план мероприятий он собирался обсуждать с другими людьми. До отдела НКВД было рукой подать. Алексей шел по дощатому тротуару, скользил глазами по прохожим. Вроде люди как люди. Тетушка в платочке и пышной юбке толкала тележку с бидоном. Мужик в картузе тащил связку лопат, опустил глаза, проходя мимо. Убогая старушка божий одуванчик испуганно прижалась к забору, разглядев его форму, стала креститься, когда он прошел. Интересно, форма СС вызывала у нее такую же реакцию?

В отдел он вошел беспрепятственно – красная книжица работала. Два милиционера вытаскивали из кабинета начальника бородатого дядьку в тонкой безрукавке. Они пинками погнали его по коридору. Тот что-то лопотал по-украински, хлюпал носом. Алексей постучал из соображений вежливости.

Капитан Ткачук сидел за колченогим столом и высыпал из полупустых папирос табак, чтобы набить одну нормальную.

– Вот уроды, – пробормотал он. – Всю фабрику надо бы расстрелять. Когда они научатся нормально делать свою работу?

– Ты про бородатого типа? – не понял Алексей.

– Я про табачную фабрику, где делают гильзы для папирос, но забывают набить их табаком, – ответил главный районный милиционер. – Ладно, доберутся еще до них наши длинные руки. Вот только разделаемся с другими врагами!..

– Никого не любишь сегодня? – догадался Алексей.

– Да, когда я не спавший, то никого не люблю. – Ткачук рассмеялся, протянул руку. – Проходи, располагайся. Уже устроился?

Алексей с любопытством огляделся. Поточные приспособления с потолка не свешивались. На стене портреты Сталина и Дзержинского, все остальное тоже обычное, как и везде. Сейф, стол, старый славянский шкаф.

На краю стола валялась пачка мятых дензнаков. Алексей взял их, повертел. Какие-то странные купюры. Вроде карбованцы, выпускаемые на Украине Третьим рейхом, но на них почему-то изображен бандеровец с автоматом и напечатан призыв к свержению Советской власти. Впрочем, были в пачке и обычные бумажки, выпущенные в сорок втором году так называемым Украинским банком.

– Мзду берешь, капитан?

– Хорошая шутка, – заявил Ткачук. – Можешь взять себе, если хочешь. Или в печке сожги. Просто бумага, ничем не обеспеченная. Хождения в Стране Советов не имеет, не признается, не обменивается и не представляет никакой ценности, даже нумизматической. Этот крендель пытался откупиться от меня карбованцами, которые штампуют бандеровцы в своих подпольных типографиях. Кстати, когда эти юмористы конфискуют у крестьян последние продукты, они иногда расплачиваются с ними такими вот бумажками. Они обещают селянам, что, как только воцарится самостийное украинское государство, эти деньги мигом будут обменяны на новые, настоящие. Кто-то верит. Наивные люди копят их в баночках, зарывают в подвалы. Не понимают, что Советский Союз – штука вечная, на века, на тысячелетия. Западная Украина навсегда стала советской, иначе быть не может.

«Аминь, – подумал Алексей. – Или аллилуйя?»

– А этот крендель? – Он кивнул на дверь. – Из леса дяденька?

– Да какое там из леса, – отмахнулся Ткачук. – Господин Бородай, завсклада в зерновом хозяйстве, что от мукомольного комбината. Как у Маршака, помнишь? – Ткачук засмеялся. – «А то веселая птица-синица, которая часто ворует пшеницу, которая в темном чулане хранится». Страна поставила Бородаю на ответственную должность, а он тащит муку мешками

и отвозит темными ночами в лабаз на Буковой улице, где его подельники прячут товар с глаз подальше. Куда потом уходит мука, нам пока неизвестно. Работаем над этим. – Ткачук развел руками. – Может, и в лес, дело темное. Зато как он плакался, на коленях ползал!.. И детишек вспомнил, и старенькую маму. Аж на слезу пробил, уродец.

– Пожалеть хочется? – спросил Алексей.

– Удавить! – отрезал Ткачук. – Чтобы больше такая мразь не гадила. Мало нам леших по лесам. – Он набил папиросу, чиркнул спичкой.

Но она сломалась, головка ее раскрошилась.

– Это уже полный капут, – расстроено констатировал капитан. – Как можно делать такие спички, скажи?

– Напрасно вы взяли этого Бородая, Клим. Надо было проследить, куда мука уходит. А теперь, конечно, никто не придет за ней. Земля слухами полнится.

– Это задним умом легко думать, – возразил Ткачук. – А если передним, то все наоборот. У бандитов служба безопасности работает идеально. Они трижды проверят, можно ли приходить за мукой. Дети у них работают, понимаешь? Обыкновенные сельские или городские мальчишки и девчонки, которых сразу и не заметишь. Ловкие, смышленные, невидимые. «Старшие товарищи» забивают им мозги, вот они и стараются. Пионеры-герои наоборот, блин!.. На днях на базаре засек я знакомого, который ходил с таким же пацаном. В нашем батальоне служил, сам с Черкасс, но до границы не дошел, сгорел вместе со складом ГСМ. Оказалось, что подстроил свою смерть, а сам дезертировал. Внешность поменял, но я все равно узнал его.

– А он тебя?

– И он меня. Но промахнулся. – Ткачук криво усмехнулся. – Так я бы взял его, кабы не пацан. Лоток перевернул, бабы в шум, посыпались, как цыганки, дорогу перегородили. А физиономию пацана я даже толком не рассмотрел.

– Сочувствую, Клим. Узнал, что за типа мы кончили утром?

– Не мы, а ты, – поправил его Ткачук. – Герасим Палий, сын униатского священника, которого подстрелили год назад. Дьячком был при церкви, прихожан ублажал, потом в леса подался. Активный участник антисоветского подполья. Место жительства неизвестно, хорошо что хоть так его люди опознали. А из тех троих в нашей форме идентифицировали только одного, который за старшего себя выдавал. Евсей Хижняк, когда-то плотником трудился, в сорок первом школу абвера окончил, можно сказать, с отличием, служил в «Роланде», в батальоне вспомогательной полиции, участвовал в карательных акциях против поляков и евреев. В общем, редкая гнида. Подошли эти ребята и правильно сделали. Одно плохо – все они теперь трупы, не очень-то разговорчивые. Но мы постараемся отследить их связи.

– Отследи, очень прошу, Клим. Ты теперь работаешь по моему заданию, нравится это тебе или нет. Нужно подбираться к банде, желательно по-умному, выявлять связных, места закладки посланий, работать по схронам. Не убивать, если есть возможность, выпытывать все, что знают.

– Понял, – сказал Ткачук. – Договорились.

– И еще. Ты же в курсе нападений на райком, больницу, водозабор?

– Ну.

– Не думаю, что бандиты входили в город по одному, пряча оружие под одеждой, а потом собирались в условном месте. Их было никак не меньше десятка. Хоть кто-то обязательно попался бы патрулю. Всей толпой передвигались. Это ясно как день. Лаз у них где-то рядом.

– Догадываюсь, – неохотно проговорил Ткачук. – Думаешь, ты первый к этой гениальной мысли пришел?

– Козе понятно, что не может быть такого длиннющего подземного хода. От окраины до самого центра. Несколько объектов связаны между собой лазами. Они вышли недалеко от райкома, отстрелялись, а потом в эту же дыру и нырнули. Сколько времени им потребовалось

на тарарам – минуты две? А казармы неподалеку. Значит, бандиты высчитали, когда на шум прибегут бойцы, и успели смыться. Вот и прикинь, Клим. Возьми листок бумаги, очерти квадрат. Улицы, здания, где что находится. Тебе виднее. Я пока не особо ориентируюсь. Мне представляются интересными госпиталь, школа, гаражное хозяйство, центральный базар, что там еще? Похоронная контора, хотя она дальше. Еще подумай вот о чем. Ведь дело не обошлось без надежного информатора, который и навел боевиков. Партактив в райкоме заседал – как удачно. А бойцы гарнизона в казармах сидели, с оружием по округе практически не шатались.

Ткачук задумался, вооружился карандашом. Что-то шевелилось у него под прической.
– Ладно, Клим, бывай, озадачил я тебя. – Алексей распрощался и покинул кабинет.

– Да мать твою за ногу, пень ты дубовый, заготовка для Буратино!.. – заковыристо выругался невысокий ушастый паренек, когда под ним зашатался стул.

Ножка у него переломилась, он опрокинулся. Но парень не упал, приземлился на ноги, хотя его и повело на сторону. Он завалил тумбочку, что повлекло за собой парочку других разрушений. Портрет Феликса Эдмундовича сорвался с гвоздя. Толстая папка, которую молодой офицер пытался пристроить на шкаф, рухнула на пол и распахнулась. Из нее выпали документы.

– Ни хрена себе, – пробормотал офицер, присел на корточки, хотел было собрать бумаги, но передумал, поднялся и первым делом полез за портретом.

– Bravo! – похвалил Алексей, входя в комнату, заваленную коробками и макулатурой. – Это было незабываемо. Первое зрелище за сегодняшний день, доставившее мне удовольствие. Опомнитесь, старший лейтенант! Зачем вы товарища Дзержинского вверх ногами вешаете? Он вам такого не простит.

Офицер хотел ругнуться, но прищурился, пересчитал звезды на погонах посетителя и не стал этого делать. Молодой парень, до тридцати, круглолицый, лопухий, в смешных очках. Он что-то фыркнул, перевернул портрет самого узнаваемого в стране чекиста, оценил вертикальность его расположения.

– Капитан Кравец, СМЕРШ, – без преамбул представился визитер и протянул руку. – Можно просто Алексей. Хочешь ты того или нет, старлей, но будешь работать под моим началом.

– Ничего себе начало, – проворчал офицер, поправил очки и ответил на рукопожатие.

В противовес странной внешности в руке его чувствовалась сила.

– Лев Березин, временно исполняю обязанности начальника отделения. – Он всмотрелся в лицо гостя и неуверенно добавил: – Можно просто Лева.

– Отлично. – Алексей улыбнулся. – Давай на «ты». Вот документ. – Он сунул Березину свои корочки. – Вот еще один, популярно объясняющий, зачем я здесь. – Капитан развернул лист плотной бумаги, на котором красовались целых две печати, вызывающие уважение, дал время на ознакомление.

– Я понял, – сказал Березин. – Слышал про тебя, сорока на хвосте принесла. Присаживайся, если место найдешь. А я пока свое несчастье соберу.

Он сел на колени, стал запихивать в папки бумаги, кое-как собрал их, уныло покосился на сломанный стул, на рослый шкаф, но папку бросил на столешницу, с которой мгновенно взметнулся столб пыли.

Алексей едва успел отвернуться.

– Извини, – буркнул Березин. – Работать некогда, в бумагах тону. Слышал про наши потери? Третью народа выбило, и Лучанского тоже. Это его кабинет, он тут принципиально порядок не наводил. Копил барахло, как Плюшкин.

«А это точно Народный комиссариат государственной безопасности?» – на всякий случай подумал Алексей.

– Так что мне погибать теперь определенно не резон, – пробурчал Березин, освободил стул от пыльных гроссбухов и подвинул его гостю. – Иначе кто будет разгребать все эти авгиевы конюшни?

– Что за папка? – спросил Алексей. – Закрытые дела?

– Открытые, – сказал Березин. – Чтобы их закрыть, дивизию чекистов нужно привлечь и парочку особых совещаний. Тебе интересно?

– Для полноты картины – да.

Березин снова поправил очки и начал вытаскивать из папки сшитые бумаги.

– Тут дела только за четыре месяца. Первое апреля – ликвидация бандитами участкового лейтенанта Мельниченко вместе с женой и парой родственников, которые остались на ночь у него в селе Салибор. Четвертое апреля – хозяйственные хлопцы из ОУН конфисковали на государственной мельнице в Задворне зерно и муку. Директору предприятия переломали кости в жерновах. Тридцатое апреля – уничтожение первого секретаря райкома партии в Тернополье, следы ведут в Хованский лес. При этом бандиты взорвали машины, стоявшие в райкомовском гараже, расстреляли двух механиков, работавших внеурочно. Так, это уже за май. Уничтожение сельской рады в Мариничах вместе со списками избирателей. Расстрел трех милиционеров в Угриновом Доле. Нападение на партийца, присланного в село Дороговище. Товарищ Якимович был назначен председателем сельсовета и пытался организовать колхоз. Взорван мост на узкоколейке между селами. Сожжена кинопередвижка, убит механик, из Сталино, несущий в массы важнейшее из искусств. Расстреляны два коммуниста в Дубцах, директор торфяного завода, секретарь первичной комсомольской организации. Уничтожена телефонная линия. Опять ликвидация председателя колхоза, теперь уже через повешение. Бандиты согнали всех жителей села смотреть на казнь...

– Хорошо, я понял, – перебил его Алексей, увидев, что Березин перебрал только треть папки. – А теперь представь, какая у Бабулы сеть осведомителей.

– Не у самого Бабулы, – поправил собеседника Березин. – Хотя и у него, конечно. Суть вещи такова, Алексей. Бабула томится от безделья в бункере, расположенном где-то в Хованском лесу. Во всяком случае большую часть времени он проводит там. Иногда выходит в свет, подышать, так сказать, свежим воздухом и встретиться со своим народом, чтобы кого-нибудь прибить. Не исключено, что в Хованских лесах у него несколько убежищ. Думаю, при нем не больше тридцати бандитов. Вблизи бункера стоят посты. Есть и технические средства оповещения. Тихо не подберешься. Помимо этого по району разбросаны мелкие схроны, где сидят группы по десять-пятнадцать человек. Они выходят оттуда, действуют и опять укрываются. Ты верно подметил. Бандиты работают оперативно, поскольку проблем с получением информации у них нет. На местах работают агенты. К ним приходят связники, получают сведения и убывают. В условном месте, расположенном, как правило, в лесу, они оставляют записки. Иногда используют шифр или обходятся без него. Прибывает человек из банды, забирает записку. Вот и все. Информация получена, можно работать. Рядовые члены разных групп не знают друг друга. Иногда видятся только их командиры. Все они подчиняются Бабуле, который изредка устраивает совещания командного состава, выдает инструкции. Дисциплина в бандах железная, иначе они не выживут. Именно поэтому их трудно взять. Бандиты знают только членов своей группы и собственные схроны. Для них это неудобно. В случае гибели командира рядовые негодяи становятся слепыми котятками, блуждают по лесам, не зная, где свои, атакуют кого ни попадя. В итоге их ликвидируют. Но мозговой центр и прочие ресурсы остаются в целостности. Мы можем гоняться за ними не один год. Ты прав еще и в том, что населенные пункты опутаны сетью подземных ходов. Их рыли еще в тридцатые, в начале сороковых. Они использовались против поляков, немцев, нас. Что-то мы находим и закрываем. Другие норы продолжают действовать.

Алексей озвучил соображения, высказанные Ткачуку.

– Мы думали с Лучанским по этому поводу. – Березин замолчал, его смешное гладкое лицо затуманилось.

Он машинально пригладил вихор, торчащий как антенна.

– Но где он теперь?! Да, пожалуй, следует очертить участок, на котором произошло проникновение. Комендатура, казармы, плац, гарнизонные постройки, отделы НКВД и НКГБ – эту глупость мы сразу отбрасываем, поскольку там всегда посты. Десяток бандитов, обвешанных оружием, проглядеть невозможно. Да, ты прав. Имеем больницу, школу, базар, недействующую церковь, похоронную контору, хотя она и далековато. Все пустыри, свалки, сараи. Ты в курсе, что на проверку всех этих объектов потребуется целая армия?

– Полсотни солдат, не задействованных в караулах, несколько десятков местных активистов, – проговорил Алексей. – Хотя, конечно, глупо выйдет. – Он сокрушенно вздохнул. – Поднимется шум. Допустим, найдем мы лаз, приберем парочку осведомленных персонажей. Ничего не изменится. Только обозлим бандитов, которые нанесут удар в другом месте.

– Мне нравится, что ты не сторонник шумных и пафосных мероприятий, – проговорил Березин, похлопал себя по карманам и осведомился: – Куревом не богат?

Алексей извлек пачку, в которой осталось несколько мятых папирос. Офицеры закурили.

– Давай прогуляемся по округе, капитан. – Березин посмотрел на часы. – День еще не кончился, базар работает. Купим курево, а там, глядишь, и на ужин пора.

На крыльце он пошептался с часовым. Тот кивнул, пропал в здании, но быстро вернулся.

– Парочка моих сотрудников в штатском походит за нами, – проговорил Березин. – Ненавязчиво так, на расстоянии. Может, заметят, если кто-то любопытство проявит. Не психуй, если почувствуешь наблюдение. Подожди, не рви, давай еще покурим, твои, разумеется.

Они закурили последние папироски, остановились в калитке. Алексей отыскал взглядом урну, метко послал в нее скомканную пачку.

За калиткой проехал грузовик, волоча на прицепе что-то небольшое, четырехколесное, плотно укрытое брезентом. Прошел патруль, солдаты отдали честь. Молодые, выбритые лица, русская речь. Алексей поймал себя на мысли о том, что начинает с опаской поглядывать на людей в советской форме.

Патруль отправился дальше, остановил молодого мужчину в кепке. Тот занервничал, стал судорожно шарить по карманам в поисках документов.

Их плавно обтекли две местные женщины. Одна несла корзинку, другая – тряпчатую сетку. Они, судя по всему, возвращались с базара и энергично общались на каком-то наречии, непонятном офицерам.

– Никогда не понимал людей, которые не говорят по-русски, – пошутил Березин.

– Ты женат? – спросил Алексей.

В глазах офицера ГБ блеснуло что-то юмористическое.

– Был. Еще до войны. Заглянул, так сказать, на минутку в семейную жизнь и погрузился в нее по самые жабры. Не понравилось.

– С супругой не повезло?

– Загадка в ней была, – сказал Березин. – Я никак не мог взять в толк, какого хрена на ней женился.

Алексей улыбнулся.

– Извини за вопрос, Лева. Ты же еврей, да?

– Ты потрясающе наблюдателен, – проговорил Березин. – Хотя какие могут быть сомнения с моей-то физией? Каюсь, гражданин капитан. – Березин мелодраматично вздохнул. – Из них я, из тех самых, что немцы клали сотнями тысяч и миллионами. Мальчик из бедной еврейской семьи, так сказать. Это проблема?

– Для меня – нет. – Алексей пожал плечами. – Для тебя – не знаю. Похоже, ты, Лева, единственный еврей в этом негостеприимном городке. Да еще в форме офицера ГБ! Понимаю, ты не червонец, чтобы всем нравиться, но скажи, на тебя птицы в полете еще не гадят?

– Ты прав. Тут на меня смотрят, как на папуаса в перьях. – Лева снова не стал обижаться. – Не самая ходовая нация на Западенине. Во Львове жили двести тысяч евреев. Всех подчистую расстреляли или живьем в землю зарыли. В селах, в маленьких городках тоже хватало наших людей. Смерть их была ужасна. Никого не пожалели. Только в гетто расстреливали не сразу, давали время поработать на благо рейха, если ты, конечно, молод и способен на это. Пусть привыкают, я подожду. – Он язвительно засмеялся. – Будем заново наводить мосты дружбы между народами. Я, слава богу, не с Украины. Моя бедная еврейская семья обрелась в Свердловске. Папа был профессором, деканом в институте железнодорожного транспорта. Мама трудилась вторым секретарем райкома партии. Ее боялись так же, как товарища Розалию Землячку в двадцатые годы в Крыму.

– Лева, ты и вправду уникал, – заявил Алексей. – Ну и какого, скажи, пожалуйста, хрена ты делаешь здесь и сейчас?

– Да, у меня была возможность отбояриться от армии, пойти по партийной линии или по научной. Но ты же знаешь эти извечные конфликты между отцами и детьми. – Лева оскандился, явил округе вполне приличные зубы, хотя и желтые от курева. – Еще Иван Сергеевич Тургенев верно подметил сей момент. Врагами народа, как ни странно, мои родители не были, доказали свою верность идеям и заветам. Всех вокруг хватили, а их пронесло. Учился в технологическом, бросил. Школа милиции с отличием, переезд в Москву, высшие курсы при комиссариате внутренних дел, а потом ГБ, окончание лучше всех, грамота от самого товарища Меркулова. Работа в освобожденных районах, зачистка тылов от фашистских и антисоветских элементов. Харьков, Одесса, теперь вот Западенина, будь она неладна. Мог бы остаться в Западной Польше. Там, знаешь ли, женщины очень уж статные. – Лева мечтательно посмотрел на небо. – Но конфликт у меня вышел. – Он смущенно кашлянул. – В общем, рапорт я написал, отказался участвовать в фильтрации наших солдат, побывавших в плену. Репрессировать меня не стали, вспомнили про заслуги, сослали в Галицию. И вот я здесь. – Березин простодушно рассмеялся. – Единственный еврей на весь район. Пока живой. Не волнуйся, приятель, постою за себя. Вот только пули в затылок побаиваюсь. Хотя, с другой стороны, чего ее бояться? – Лева пожал плечами. – Все равно ничего не почувствуешь и не поймешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.